

УДК 327 (075.8)

DOI: 10.34670/AR.2026.11.25.036

Трансграничные водные ресурсы как фактор конфликтов в современном мире

Стубер Анастасия

Аспирант,
кафедра международных отношений и регионоведения,
Севастопольский государственный университет,
299053, Российская Федерация, Севастополь, ул. Университетская, 33;
e-mail: stuber_an@mail.ru

Аннотация

В статье рассматривается двойственная роль трансграничных водных ресурсов в современной мировой политике. Автор анализирует причины возникновения межгосударственных противоречий, обусловленных дефицитом пресной воды, ростом населения и изменением климата. Особое внимание уделяется трансформации воды из природного ресурса в стратегический экономический актив и инструмент политического влияния. На основе сравнительного анализа мирового опыта — от бассейна реки Сенегал до правового регулирования на Дунае и Колумбии — раскрываются механизмы перехода от конфронтации к «водной дипломатии». В работе обосновывается тезис о том, что совместное управление инфраструктурой и признание неделимости водных систем являются основой обеспечения региональной стабильности.

Для цитирования в научных исследованиях

Стубер А. Трансграничные водные ресурсы как фактор конфликтов в современном мире // Теории и проблемы политических исследований. 2026. Том 15. № 5А. С. 267-273. DOI: 10.34670/AR.2026.11.25.036

Ключевые слова

Трансграничные реки, водная дипломатия, международные конфликты, экологическая безопасность, устойчивое управление ресурсами, геополитика, международное право.

Введение

Трансграничные водные ресурсы представляют собой один из наиболее сложных и многогранных факторов в современной системе международных отношений. В настоящее время вода перестает быть просто природным благом и превращается в стратегический актив. В мире насчитывается более 260 трансграничных речных бассейнов, которые охватывают территорию 148 стран и обеспечивают жизнедеятельность почти половины населения планеты. Распределение и использование этих ресурсов становятся либо фундаментом для беспрецедентного регионального сотрудничества, либо основой для межгосударственных конфликтов, известных в политическом дискурсе как «водные войны». Как справедливо указывает А.А. Сизов «распределение водных ресурсов на планете, а тем более доступность чистой пресной воды для населения всегда отличались крайней неравномерностью» [Сизов, 2025]. На это указывает и Е.М. Сарыпбеков, отмечая, что «неравномерное распределение воды и отсутствие согласованных правил водопользования могут стать причиной серьезных разногласий» [Сарыпбеков, 2025].

Основная часть

Проблема распределения водных ресурсов характеризуется глубоким противоречием между странами, расположенными у истоков рек («верхними»), и государствами, находящимися ниже по течению («нижними»). Первые традиционно руководствуются принципом абсолютного территориального суверенитета [Berber, 1959; Bruhács, 1993], претендуя на неограниченное распоряжение ресурсом на своей территории, в то время как вторые [McCaffrey, 1996] настаивают на принципе абсолютной целостности реки, требуя сохранения естественного притока воды в неизменном виде.

Фундаментом наиболее радикального подхода со стороны стран верховья является доктрина абсолютного территориального суверенитета, вошедшая в историю международного права как «доктрина Хармона» [The Harmon Doctrine, [www...](#)]. Ее суть заключается в утверждении, что государство обладает абсолютной и неограниченной властью над всеми природными ресурсами, находящимися в пределах его границ, включая воды международных рек [Исангулов, Федорова, 2024].

Несмотря на свою первоначальную популярность среди великих держав, доктрина Хармона подверглась жесткой критике со стороны юристов-международников и в конечном итоге была отвергнута большинством мирового сообщества [Случевская, 2019]. Главный аргумент критиков заключался в том, что абсолютные права одного субъекта не могут существовать в вакууме и не должны нарушать основные права других субъектов международного права.

Предполагается, что доктрина Хармона, сформулированная в конце XIX века, представляет собой квинтэссенцию правового эгоцентризма. Утверждая абсолютное право страны верховья распоряжаться стоком реки без учета интересов соседей, она создает юридический фундамент для конфронтации. Однако современная реальность, будь то бассейн Нила или реки Центральной Азии, доказывает нежизнеспособность этого подхода в долгосрочной перспективе. Жесткий суверенитет над водой в XXI веке неизбежно ведет к «дилемме безопасности»: действия одного государства по обеспечению своего благополучия воспринимаются соседями как экзистенциальная угроза.

К середине прошлого столетия обнаружилось противоречие между доктриной

неограниченной государственной власти и требованиями глобальной интеграции. Показательно, что даже США, выступившие инициаторами этой концепции, в конечном итоге пересмотрели свои позиции. Переход к дипломатическому урегулированию, выразившийся, в частности, в подписании договора с Мексикой в 1944 году [Договор о водных ресурсах между США и Мексикой, [www...](#)], был продиктован пониманием того, что долгосрочная региональная безопасность и правила взаимодействия обладают большей ценностью, чем временные преимущества от единоличного распоряжения водными ресурсами.

Актуальные нормы международного водного права базируются на концепциях «разумного и справедливого использования» и «обязательства не причинять значительного ущерба», утвержденных в Конвенции ООН 1997 года [Конвенция о праве несудоходных видов использования международных водотоков, [www...](#)]. Данные положения вступают в конфликт с доктриной Хармона, поскольку они фиксируют ограничение государственного суверенитета в пользу прав всех стран, расположенных в одном речном бассейне. Таким образом, владение ресурсом в пределах национальных границ больше не дает права распоряжаться им без учета интересов соседей.

Несмотря на то, что в современной дипломатической практике прямые ссылки на одиозную «доктрину Хармона» встречаются крайне редко из-за её явного несоответствия международному праву и этическим стандартам, её глубинные механизмы продолжают оказывать влияние на геополитическую реальность. В различных регионах планеты мы наблюдаем ситуацию, когда фактическое поведение государств верховья транслирует ту же логику абсолютного суверенитета, которая была заложена более столетия назад. Это проявляется в политике стран, обладающих значительным военно-политическим и экономическим потенциалом, которые используют свое географическое преимущество для радикального переустройства речных систем.

Такие государства часто инициируют и реализуют грандиозные гидротехнические программы - от строительства мега-плотин до создания разветвленных ирригационных сетей - в одностороннем порядке. При этом дипломатические возражения соседей, находящихся ниже по течению и архитектурно зависимых от объема и качества поступающей воды, систематически игнорируются или отодвигаются на второй план. В качестве идеологического оправдания подобных действий выдвигается тезис о неотъемлемом и священном праве нации на использование внутренних ресурсов для обеспечения экономического роста, энергетической безопасности и ликвидации бедности.

Подобный «гидротехнический национализм» создает опасный прецедент: вопросы совместного управления общим природным достоянием подменяются политикой свершившихся фактов. Государства верховья аргументируют свою позицию тем, что любые ограничения их строительной активности внутри национальных границ являются недопустимым вмешательством в их внутренние дела. Таким образом, дух доктрины Хармона мимикрирует под современные нужды развития, сохраняя при этом свою конфликтогенную сущность.

Таким образом, основная сложность заключается в фундаментальной асимметрии между странами, расположенными в верховьях и низовьях рек. Государства верховья имеют физический контроль над стоком и могут возводить плотины для гидроэнергетики или ирригации. Государства низовья, чья экономика и экология зависят от поступающего объема и качества воды, оказываются в положении заложников действий своих соседей.

Ярким примером является бассейн реки Нил. Эфиопия, стремясь к индустриальному рывку,

возвела «Великую плотину эфиопского возрождения» (GERD) [Эфиопия открыла крупнейшую в Африке ГЭС, [www...](#)]. На протяжении десятилетий Египет, находящийся в самом низу течения, считал реку своей эксклюзивной собственностью, опираясь на соглашения XX века, которые гарантировали ему львиную долю стока. Однако ситуация изменилась с ростом амбиций Эфиопии.

Эфиопия, стремясь совершить индустриальный рывок и преодолеть энергетическую бедность, приступила к реализации проекта «Великая плотина эфиопского возрождения» (GERD) на Голубом Ниле. Для Аддис-Абебы это символ суверенитета, способный превратить страну в крупнейшего экспортера электроэнергии в Африке. Для Каира же плотина стала экзистенциальной угрозой. Египет, 95% населения которого проживает в долине Нила, опасается, что заполнение гигантского водохранилища и последующее управление стоком приведут к катастрофической нехватке воды в засушливые годы.

В качестве примера также можно привести рассмотреть ситуацию с государствами в бассейнах рек Амударья и Сырдарья [Сарыпбеков, 2025]. В период СССР действовала следующая система: Таджикистан и Киргизия, находящиеся «сверху» в течении зимы накапливали воду с целью выработки энергии, а летом эту воду выпускали. Таким образом орошались территории республик Узбекистан, Казахстан и Туркменистан, находящихся внизу.

Однако после распада СССР порядок действий поменялся. В летний период «верхние» республики переставали спускать воду, из-за чего происходили острые конфликты.

В качестве примера «водного конфликта» можно вспомнить ситуацию в бассейне рек Тигр и Евфрат. Так, Ирак - как нижнее государство, часто вызывает к необходимости сохранения естественного стока [Хлопов, 2019].

Также можно отметить конфликт между Индией и Пакистаном по поводу использования бассейна реки Инд. Здесь стоит отметить действующий договор о водах Инда (1960 г.) [Договор о водах Инда, [www...](#)], который, к сожалению, не способствует скорейшему решению конфликта.

Стоит отметить и иную концепцию, которой придерживаются страны, расположенные ниже по течению – это концепция целостности реки.

В основе этой концепции лежит принцип, согласно которому река — это неделимый природный объект. «Ни одно государство в верховьях не имеет права изменять естественное состояние реки таким образом, чтобы это наносило ущерб государствам, расположенным ниже по течению [Barandat, Kaplan, 1998]. Как пишет О.А. Бояркина «фактически, данный принцип заставляет брать на себя ответственность и некоторые обязательства в использовании ТВР, в то время как у нижележащих государств таковые отсутствуют» [Бояркина, 2020].

Таким образом, «нижнее» государство фактически наделяется правом вето на любые гидротехнические проекты «верхнего» государства. То есть «нижнее государство» вправе заблокировать любую инициативу «верхнего» государства на любое строительство, если это каким-либо образом скажется на количестве воды, поступающей в государство.

С этой концепцией сложно согласиться, поскольку она ставит в зависимость «верхнее» государство от решений «нижнего» государства, ограничивая тем самым его суверенитет.

В настоящее время обе концепции - и доктрина Хармона, и доктрина абсолютной целостности - были отвергнуты. Им на смену, как ранее уже было отмечено, пришел принцип «справедливого и разумного использования» [Романова, Елкин, 2024], согласно которому все прибрежные государства имеют право на использование реки, однако это использование не должно наносить ущерба соседним странам.

Программа бассейна реки Меконг является примером того, как страны с разными политическими системами и уровнями развития (Вьетнам, Лаос, Таиланд, Камбоджа) могут координировать действия через Межправительственную комиссию. Водная дипломатия здесь выступает механизмом предотвращения экологических катастроф и обеспечения продовольственной безопасности.

Заключение

Таким образом, в настоящее время трансграничные водные ресурсы являются прежде всего инструментом взаимодействия между странами, анализ мирового опыта показывает, что дефицит воды выступает не только как катализатор межгосударственных противоречий, но и предметом для интеграции.

Традиционный подход, основанный на отстаивании государственного суверенитета над участками рек, неизбежно ведет к проблемам. Напротив, концепция «водной дипломатии» и совместного использования позволяет трансформировать потенциальные зоны конфликта в экономическое сотрудничество. Предполагается, что подписание многосторонних конвенций является наиболее эффективным способом предотвращения конфликтов.

Учитывая изложенное, стабильность в регионах с общими водными системами напрямую зависит от готовности стран к взаимодействию.

Библиография

1. Бояркина О.А. Водные конфликты в мировой политике: проблемы и перспективы: Монография. М.: Русайнс, 2020. 96 с.
2. Договор о водных ресурсах между США и Мексикой 1944 года как конституционный документ. URL: <https://www.bakerinstitute.org/research/1944-us-mexico-water-treaty-constitutional-document>
3. Договор о водах Инда, 1960 г. URL: <https://treaties.un.org/doc/Publication/UNTs/Volume%20419/volume-419-I-6032-English.pdf>
4. Исангулов Д.Э., Федорова О.В. Международное правовое регулирование трансграничных водных ресурсов // Общество, государство, личность: механизмы инновационной деятельности молодежи в решении задач научно-технологического развития : Материалы XXIV Национальной научно-практической конференции студентов, магистрантов, аспирантов и молодых ученых. Казань: Университет управления «ТИСБИ», 2024. С. 162.
5. Конвенция о праве несудоходных видов использования международных водотоков. URL: <https://www.un.org/ru/documents/treaty/A-RES-51-229>
6. Романова Н.В., Елкин С.Е. Международные правовые принципы как инструмент предотвращения трансграничных водных конфликтов // Вопросы российского и международного права. 2024. Т. 14, № 4-1. С. 278.
7. Сарыпбеков Е.М. Дефицит водных ресурсов как причина и инструмент международных конфликтов. Политический аспект // Известия Национальной Академии наук Кыргызской Республики. 2025. № 6. С. 104.
8. Сизов А.А. Проблема трансграничного водопользования как причина существующих и потенциальных региональных конфликтов // Социально-политические науки. 2025. Т. 15, № 1. С. 91.
9. Случевская Ю.А. Проблемы формирования международно-правовой модели совместного использования и охраны международных водотоков // Lex Russica. 2019. №3 (148). С. 73-85.
10. Хлопов О.А. Проблема водных ресурсов в отношениях между Турцией, Сирией и Ираком // Наука без границ. 2019. №12 (40). С. 77-83.
11. Эфиопия открыла крупнейшую в Африке ГЭС. URL: <https://ria.ru/20250909/efiopiya-2040655285.html>
12. Barandat J., Kaplan A. International water law: Regulations for cooperation and the discussion of the International Water Convention // Water in the Middle East. Springer Berlin Heidelberg, 1998. С. 15.
13. Berber F.J. Rivers in international law. Stevens, 1959.
14. Bruhács J. The law of non navigational uses of international watercourses. Martinus Nijhoff Publishers, 1993.
15. McCaffrey S.C. Harmon Doctrine One Hundred Years Later: Buried, Not Praised // The Nat. Resources J. 1996. Т. 36. С. 549.
16. The Harmon Doctrine. URL: <https://rudrajyotinathray.com/2018/02/26/the-harmon-doctrine/>

Transboundary Water Resources as a Factor of Conflicts in the Modern World

Anastasiya Stuber

Postgraduate Student,
Department of International Relations and Regional Studies,
Sevastopol State University,
299053, 33, Universitetskaya str., Sevastopol, Russian Federation;
e-mail: stuber_an@mail.ru

Abstract

The article examines the dual role of transboundary water resources in modern world politics. The author analyzes the causes of interstate contradictions caused by fresh water scarcity, population growth, and climate change. Special attention is paid to the transformation of water from a natural resource into a strategic economic asset and an instrument of political influence. Based on a comparative analysis of world experience — from the Senegal River basin to legal regulation on the Danube and Colombia — the mechanisms of transition from confrontation to "water diplomacy" are revealed. The paper substantiates the thesis that joint infrastructure management and recognition of the indivisibility of water systems are the basis for ensuring regional stability.

For citation

Stuber A. (2026) Transgranichnye vodnye resursy kak faktor konfliktov v sovremennom mire [Transboundary Water Resources as a Factor of Conflicts in the Modern World]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 15 (5A), pp. 267-273. DOI: 10.34670/AR.2026.11.25.036

Keywords

Transboundary rivers, water diplomacy, international conflicts, environmental security, sustainable resource management, geopolitics, international law.

References

1. Barandat, J., & Kaplan, A. (1998). International water law: Regulations for cooperation and the discussion of the International Water Convention. In *Water in the Middle East*. Springer Berlin Heidelberg.
2. Berber, F. J. (1959). *Rivers in international law*. Stevens.
3. Boyarkina, O. A. (2020). *Vodnye konflikty v mirovoy politike: problemy i perspektivy* [Water Conflicts in World Politics: Problems and Prospects]. Rusains.
4. Bruhács, J. (1993). *The law of non navigational uses of international watercourses*. Martinus Nijhoff Publishers.
5. Dogovor o vodnykh resursakh mezhdru SShA i Meksikoy 1944 goda kak konstitutsionnyy dokument [The 1944 US-Mexico Water Treaty as a Constitutional Document]. (n.d.). Retrieved from <https://www.bakerinstitute.org/research/1944-us-mexico-water-treaty-constitutional-document>
6. Dogovor o vodakh Inda, 1960 g. [Indus Waters Treaty, 1960]. (n.d.). Retrieved from <https://treaties.un.org/doc/Publication/UNTs/Volume%20419/volume-419-I-6032-English.pdf>
7. Efipiya otkryla krupneyshuyu v Afrike GES [Ethiopia Opens Largest Hydroelectric Power Plant in Africa]. (n.d.). Retrieved from <https://ria.ru/20250909/efipiya-2040655285.html>
8. Isangulov, D. E., & Fedorova, O. V. (2024). Mezhdunarodnoye pravovoye regulirovaniye transgranichnykh vodnykh resursov [International Legal Regulation of Transboundary Water Resources]. In *Obshchestvo, gosudarstvo, lichnost: mekhanizmy innovatsionnoy deyatel'nosti molodezhi v reshenii zadach nauchno-tekhnologicheskogo razvitiya*. Kazan:

Universitet upravleniya «TISBI».

9. Konventsiya o prave nesudokhodnykh vidov ispolzovaniya mezhdunarodnykh vodotokov [Convention on the Law of the Non-Navigational Uses of International Watercourses]. (n.d.). Retrieved from <https://www.un.org/ru/documents/treaty/A-RES-51-229>
10. McCaffrey, S. C. (1996). Harmon Doctrine One Hundred Years Later: Buried, Not Praised. *The Natural Resources Journal*, *36*, 549.
11. Romanova, N. V., & Elkin, S. E. (2024). Mezhdunarodnyye pravovyye printsipy kak instrument predotvrashcheniya transgranichnykh vodnykh konfliktov [International Legal Principles as a Tool for Preventing Transboundary Water Conflicts]. *Voprosy rossiyskogo i mezhdunarodnogo prava*, *14*(4-1), 278.
12. Sarypbekov, E. M. (2025). Defitsit vodnykh resursov kak prichina i instrument mezhdunarodnykh konfliktov. Politicheskiy aspekt [Water Scarcity as a Cause and Instrument of International Conflicts. Political Aspect]. *Izvestiya Natsionalnoy Akademii nauk Kyrgyzskoy Respubliki*, (6), 104.
13. Sizov, A. A. (2025). Problema transgranichnogo vodopolzovaniya kak prichina sushchestvuyushchikh i potentsialnykh regionalnykh konfliktov [The Problem of Transboundary Water Use as a Cause of Existing and Potential Regional Conflicts]. *Sotsialno-politicheskiye nauki*, *15*(1), 91.
14. Sluch Evskaya, Yu. A. (2019). Problemy formirovaniya mezhdunarodno-pravovoy modeli sovmeistnogo ispolzovaniya i okhrany mezhdunarodnykh vodotokov [Problems of Forming an International Legal Model for the Joint Use and Protection of International Watercourses]. *Lex Russica*, (3), 73-85.
15. The Harmon Doctrine. (n.d.). Retrieved from <https://rudrajyotinathray.com/2018/02/26/the-harmon-doctrine/>
16. Khlopov, O. A. (2019). Problema vodnykh resursov v otnosheniyakh mezhdur Turtsiyey, Siriyei i Irakom [The Problem of Water Resources in Relations between Turkey, Syria and Iraq]. *Nauka bez granits*, (12), 77-83.